

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the foreground, an open wooden treasure chest sits on a stone ledge, filled with several glowing, multi-faceted gemstones. The background shows a large, two-story house with lit windows on the left and a lighthouse on a rocky island to the right, both under a full moon and a cloudy night sky. The entire scene is framed by a circular, ornate border.

OLGA V. VELES

ГОРОД, КОТОРОГО
НЕТ НА КАРТЕ

18+

Olga Veles

Город, которого нет на карте

<https://litres.ru/73866538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть места, которых нет на картах. Дома, что помнят то, что люди забыли. И ключи, открывающие двери туда, где реальность теряет форму.

Постепенно нити историй сплетаются в единый узор. Дом в глуши, маяк у моря и загадочный город без карты — части одной древней системы. Они питаются страхом, памятью и жертвами.

Правила просты:

не смотри в зеркало после полуночи;

если услышишь шаги за спиной — не оборачивайся;

они любят, когда ты боишься.

Чтобы остановить пробуждение древней силы, кто-то должен пожертвовать самым дорогим — воспоминаниями, близкими, собственной душой. Пятнадцать лет спустя новые герои находят шкатулку с семью камешками и слышат зов. Город, дом и маяк ждут тех, кто готов открыть забытые двери.

Атмосферный психологический хоррор с элементами мистики: страх здесь рождается не от монстров, а от потери реальности, доверия к собственным ощущениям и памяти. Где

грань между спасением и жертвой? И кто решает, кому помнить,
а кому — забыть?

Содержание

В путь.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Olga V. Veles

Город, которого нет на карте

В путь.

История 1. Тени забытого дома.

Глава 1: Переезд

Дождь лил так, будто небо прорвало. Машина буксовала на размокшей дороге, фары выхватывали из тьмы силуэты деревьев, склонившихся к нам, словно любопытные зрители. Ветви скребли по крыше, будто пытались заглянуть внутрь, проверить, кто осмелился нарушить покой этого забытого места.

Я, Лиза, сидела на переднем пассажирском сиденье, вцепившись пальцами в край куртки. Мне было 16 — слишком взрослая, чтобы верить в сказки, но сейчас всё внутри сжималось от необъяснимого страха. Мои тёмные волосы, обычно собранные в хвост, выбились из-под капюшона, прилипли к влажному лбу. Пальцы дрожали, когда я провела по запотевшему стеклу, рисуя спираль — она тут же потекла, растеклась, как слёзы.

— Ну и дыра, — пробормотала я, глядя в окно.

Отец нервно постукивал пальцами по рулю. Андрей Викторович, 45 лет, с залысинами и усталыми глазами, которые в последнее время почти не улыбались. Его лицо в отблесках приборной панели казалось бледным и напряжённым. Тени от ресниц ложились на щёки глубокими впадинами, делая его старше лет на десять. На нём была старая кожаная куртка, которую он носил ещё до моего рождения — потрёпанная, но любимая.

— Лиза, не драматизируй. Это всего на год. Зато бесплатно. Мы сможем отложить деньги на колледж... — он не договорил, резко крутанул руль, уворачиваясь от глубокой ямы. Машина затряслась, Миша на заднем сиденье застонал во сне и перевернулся на бок.

Мать молчала, уставившись в одну точку за окном. Елена Сергеевна, 42 года, когда-то яркая и жизнерадостная женщина с копной рыжих кудрей, теперь выглядела измождённой. Её волосы потускнели, стали какими-то бесцветными, а кожа — серой, будто впитала сумрак этого места. Пальцы, теребящие обручальное кольцо, дрожали. На безымянном пальце, там, где обычно блестело золото, теперь виднелась бледная полоса — след от него.

Миша, мой восьмилетний брат, спал на заднем сиденье, уткнувшись носом в плюшевого медведя. Он был копией отца в детстве — те же веснушки на носу, тот же упрямый подбородок. Его губы шевелились — он что-то бормотал во сне. Я прислушалась:

— ...они зовут меня... там, внизу... в подвале... я им нравлюсь...

Я вздрогнула и обернулась. Миша мирно сопел, его ресницы подрагивали. Наверное, просто снится что-то. Но почему именно подвал? Мы же ещё даже не видели его.

Дорога становилась всё хуже. Колеи заполнились водой, в них отражались вспышки молний. Где-то вдали грохотал гром, но туч на небе не было — только плотная пелена дождя. Воздух в машине стал тяжёлым, душным, пахло резиной и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным.

— Папа, а ты уверен, что это хорошая идея? — я постаралась говорить спокойно, но голос дрогнул. — Местные в городе так странно смотрели, когда мы спрашивали про дорогу... Одна старушка даже перекрестилась и отошла в сторону.

— Просто суеверия, — отец нахмурился, крепче сжал руль. — Старый дом, глушь... Люди всегда придумывают страшилки про такие места. К тому же, это наследство от дяди Виктора. Мы его почти не знали, но отказываться глупо. Да и выбора особого нет — с работой сейчас туго.

Мы ехали уже третий час по просёлочной дороге, которая давно перестала быть дорогой в привычном смысле. Асфальт исчез километров двадцать назад, сменившись разбитой грунтовкой. По обочинам росли высокие, почти двухметровые травы с колючими стеблями. Они цеплялись за колёса, будто пытаясь остановить машину.

Лес вокруг становился всё гуще. Деревья — старые, искривлённые — стояли так плотно, что их ветви сплетались над дорогой, образуя тёмный туннель. Кора у них была чёрной, покрытой серым мхом, напоминавшим плесень. Некоторые стволы выглядели так, будто их обожгло пламя — глубокие трещины шли вдоль всего ствола.

Вдалеке виднелись холмы, покрытые вереском и низкорослыми кустами. Небо над ними было неестественно тёмным, хотя часы показывали всего четыре пополудни. Ни птиц, ни насекомых — полная тишина, нарушаемая только стуком дождя и ревом двигателя.

Дом появился внезапно, будто вырос из тумана. Трёхэтажный, с покосившейся крышей и окнами, похожими на слепые глаза. Он стоял на небольшом холме, окружённый почерневшими деревьями с искривлёнными ветвями. Некоторые стволы были покрыты странным серым мхом, напоминавшим плесень. Ветви деревьев сплетались над крышей дома, образуя подобие купола.

Фасад был выкрашен когда-то в светло-коричневый цвет, но краска облупилась, обнажая тёмное дерево. На втором этаже одно окно было разбито, в нём торчали осколки стекла, похожие на зубы. Карнизы прогнили, местами обрушились.

На крыльце висела табличка: *«Добро пожаловать домой»*. Буквы были выкрашены красной краской, но дождь размыл их, и теперь казалось, что дверь в кровь. Краска сте-

кала по дереву, как засохшие струйки. Под табличкой виднелись глубокие царапины, будто кто-то пытался содрать её, оставив после себя уродливые следы.

— Ну вот, — отец натянуто улыбнулся. — Наше новое начало.

Машина остановилась. Двигатель заглох с хрипом, будто выдохнул в последний раз. В наступившей тишине стало слышно, как дождь стучит по крыше — не ритмично, а будто кто-то перебирает пальцами по металлу, подбирая мелодию.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Где-то в глубине дома скрипнула половица — будто кто-то сделал шаг нам навстречу. Или это просто старый пол просел?

— Идёмте, — отец открыл дверь. В салон ворвался сырой, затхлый воздух. Пахло гниющими листьями и чем-то ещё — металлом? Или это кровь? Я тряхнула головой, отгоняя нелепую мысль.

Мы вышли под дождь. Он тут же промочил волосы, потёк за шиворот. Миша проснулся и зябко поёжился.

— Не нравится мне здесь, — прошептал он, прижимая к себе медведя. — Там кто-то смотрит на нас из окна.

Мы с матерью подняли головы. Верхний этаж дома казался тёмным и пустым, но на мгновение мне показалось, что за одним из окон мелькнула тень. Быстрая, почти неуловимая.

Мать молча взяла Мишу за руку. Её взгляд был отстранённым, будто она уже не здесь. Пальцы, сжимающие руку сына, дрожали.

Мы поднялись на крыльцо. Табличка над дверью скрипнула, качнувшись на ржавых гвоздях. Теперь я разглядела, что буквы не просто выцвели — их будто проели, выжгли чем-то. Под краской проступали тёмные пятна, напоминавшие отпечатки пальцев. В некоторых местах краска вздулась пузырями, как будто под ней что-то шевелилось.

Отец вставил ключ в замок. Тот повернулся с трудом, издав звук, похожий на стон. Дверь медленно отворилась, впуская нас внутрь.

В доме пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё... металлом? Или это кровь? Я тряхнула головой, отгоняя нелепую мысль. Стены были обшиты тёмными деревянными панелями, местами покрытыми паутиной. Пол скрипел под ногами, будто предупреждая: «Уходите».

Прихожая была узкой, с высоким потолком. На стене висело зеркало в резной раме, но стекло в нём было мутным, покрытым пятнами. Напротив — старая вешалка с крючками, один из которых был согнут, будто на него повесили что-то очень тяжёлое.

Справа дверь вела в гостиную, слева — на кухню. Лестница на второй этаж стояла в конце коридора, её перила были покрыты толстым слоем пыли, кроме одного места — там, где кто-то недавно провёл рукой.

— Ну что, — отец хлопнул в ладоши, пытаясь развеять напряжение. — Разберём вещи, а завтра начнём обустриваться. Здесь будет хорошо. Вот увидите.

Но его голос звучал неуверенно. И когда он закрыл дверь, та захлопнулась с таким гулким звуком, будто захлопнулась клетка.

За спиной что-то зашуршало. Я резко обернулась, но увидела только тени, пляшущие на стенах от света фонарика. Они казались слишком объёмными, слишком живыми.

Миша тихо заплакал.

— Там... — он показал пальцем в угол прихожей. — Там кто-то есть. Стоит и смотрит. У него нет глаз, но он видит меня.

Мы с матерью посмотрели туда. Угол был пуст. Но на пыльном полу отчётливо виднелись следы маленьких ног. Они вели от двери внутрь дома — будто кто-то вышел нам навстречу, а потом развернулся и ушёл вглубь. Следы были свежими, вокруг них ещё не успела осесть пыль.

Отец присел на корточки перед Мишей, — это просто следы от обуви. Может, рабочие, которые готовили дом к нашему приезду...

Он не договорил. В глубине дома что-то глухо ударилось о стену. Звук был такой, будто кто-то толкнул тяжёлую мебель. Все замерли. Дождь за окном стучал всё чаще, словно отсчитывая секунды до чего-то неизбежного.

— Ладно, — отец поднялся, провёл рукой по лицу, будто стряхивая наваждение. — Разберём вещи. Миша, помоги мне с коробками из машины.

Брат неуверенно кивнул и поплёлся за отцом к выходу.

Мать всё ещё стояла у стены, невидящим взглядом изучая паутину в углу.

— Мам, — я коснулась её руки. — Ты в порядке?

Она вздрогнула, будто очнувшись ото сна.

— Да, милая... просто устала с дороги.

Её голос звучал странно — слишком ровно, без привычных интонаций. И взгляд... он будто не до конца вернулся из какой-то далёкой точки.

Мы начали переносить вещи. Каждый шаг по скрипучим половицам отдавался эхом, будто дом считал наши шаги. В гостиной стены были обшиты тёмными дубовыми панелями, местами покрытыми пятнами плесени. На одной из стен висел портрет — мужчина в старомодном костюме, с жёстким взглядом. Его глаза, казалось, следили за нами.

— Кто это? — я указала на картину.

Отец, раскладывавший коробки у камина, обернулся.

— Понятия не имею. Наверное, кто-то из прежних хозяев. Уберём его на чердак.

Миша, который возился с медведем у окна, вдруг замер.

— Он не хочет, чтобы его убирали, — прошептал он.

— Что ты сказал? — переспросил отец.

— Дядя на картине. Он сказал, что если мы его снимем, он рассердится.

В комнате стало холоднее. Я заметила, что пламя в камине, хотя там не было огня, слегка заколебалось, будто от сквозняка.

Кухня оказалась ещё мрачнее. Старые шкафы с облупившейся краской, раковина, покрытая рыжими пятнами, окно с мутными стёклами, через которые почти не проникал свет. На столе лежал нож — старинный, с костяной ручкой. Лезвие было тёмным, будто покрытым засохшей кровью.

— Не трогайте ничего, — предупредил отец, хотя никто и не собирался. — Завтра вызовем клининговую службу, всё прочистим.

Лестница на второй этаж стонала под каждым шагом, как живое существо. Перила были гладкими от времени, но в одном месте — там, где Миша провёл рукой, — остался след, будто пыль кто-то стёр совсем недавно.

Наверху было три комнаты.

Первая — большая спальня с огромной кроватью под балдахином. Матрас прогнил, пружины торчали наружу. На стене висело зеркало в резной раме. Моё отражение в нём показалось мне чужим — лицо бледнее обычного, глаза слишком большие.

Вторая — детская. В ней стояла кроватка с высокими прутьями, будто для младенца, хотя Миша давно вырос. Рядом — шкаф с дверцами, покрытыми царапинами изнутри. Кто-то явно пытался выбраться.

Третья — маленькая комната с одним окном. В ней был

только письменный стол и стул. На столе лежала раскрытая книга. Страницы были пусты, кроме одной — на ней было выведено: «*Они уже здесь*».

— Это какой-то розыгрыш, — отец резко захлопнул книгу. — Кто-то решил нас напугать.

Но его голос дрогнул.

К вечеру дождь не прекратился. Мы кое-как обустроили спальню на первом этаже — поставили раскладушки, разложили спальные мешки. Миша отказался идти в детскую, поэтому устроился рядом с матерью.

Я сидела у окна, глядя на лес. Деревья качались, будто перешёптывались. В какой-то момент мне показалось, что между стволами мелькнула фигура — высокая, сгорбленная. Она стояла и смотрела прямо на меня.

— Лиза, иди сюда, — позвала мать. — Поможешь мне с ужином.

Я отвернулась от окна. Когда снова посмотрела туда, фигуры уже не было.

Ужин проходил в молчании. Мы ели консервы — ничего другого в доме не нашлось. Миша то и дело оглядывался через плечо, будто ожидая, что кто-то встанет у него за спиной.

— Пап, а почему в доме нет фотографий? — вдруг спросил он. — Ни одной. Ни твоих, ни маминых, ни моих.

Отец замер с ложкой у рта.

— Наверное, прежние хозяева забрали их.

— Но на стенах же остались следы, — настаивал Миша.
— Видишь? — он показал на светлые прямоугольники на обоях. — Здесь висели фото. А теперь их нет.

В этот момент лампочка над столом замигала. На мгновение комната погрузилась во тьму, а когда свет снова загорелся, на стекле окна изнутри появились капли. Они стекали вниз, образуя надпись:

«Вы теперь наши».

Мать вскрикнула. Отец вскочил, вытер стекло рукой.

— Просто конденсат, — сказал он, но его рука дрожала.

Я посмотрела на Мишу. Он улыбался — но улыбка была не его. Слишком широкая, слишком... правильная.

— Они говорят, что теперь мы будем играть с ними всегда, — прошептал он. — И никогда не уедем.

За стеной что-то заскребло, будто когти царапали дерево. Звук шёл из подвала.

— Никто никуда не поедет, — повторил Миша чужим голосом. — Мы дома.

Отец резко встал, включил фонарик и направился к двери в подвал.

— Хватит этих игр. Я проверю, что там.

— Не надо! — я схватила его за рукав. — Пап, не ходи туда!

Но он уже открыл дверь. Из темноты пахнуло холодом и запахом сырости.

— Всё нормально, — он посветил вниз. — Просто трубы, наверное...

Внезапно свет погас. Фонарик мигнул и потух. В крошечной тьме раздался звук закрывающейся двери. Затем — тихий, хриплый смех, донёсшийся снизу.

— Папа?! — я бросилась к двери, но та не открывалась. — Папа, отзовись!

Из подвала донёсся стук — три удара, потом ещё три. Как сигнал.

Миша захлопал в ладоши и засмеялся — звонко, радостно.

— Они его приняли! — воскликнул он. — Теперь он с ними!

Мать закрыла лицо руками и зарыдала. Я стояла у двери в подвал, слушая, как внизу кто-то медленно поднимается по ступеням...

— Папа?! — я бросилась к двери в подвал, дёргая ручку. — Папа, отзовись!

Дверь не поддавалась. Я ударила по ней кулаком — звук получился глухим, будто за ней была каменная стена.

— Он там, — Миша всё ещё улыбался той странной улыбкой. — Они его приняли. Теперь он с ними.

Мать вскочила, схватила сына за плечи:

— Миша, что ты такое говоришь? Где папа?

— Там, — брат показал пальцем на дверь. — Он теперь один из них. И мы тоже будем.

Его голос изменился — стал ниже, хриплее, будто говорил не ребёнок, а кто-то другой, скрывающийся внутри него.

Я огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы выломать дверь. Взгляд упал на кочергу у камина. Схватила её и начала бить по замку.

— Лиза, остановись! — мать бросилась ко мне. — Ты не понимаешь...

Она схватила меня за руку, и я впервые заметила, какие у неё холодные пальцы. Слишком холодные для живого человека.

— Мам, что происходит? — мой голос дрожал.

Она отпустила меня и отступила назад. Её глаза на мгновение почернели, а затем снова стали нормальными.

— Мы не должны были сюда приезжать, — прошептала она. — Этот дом... он выбирает жертв. Каждые тридцать лет.

— О чём ты говоришь?

— Твой дядя Виктор... он не просто оставил нам этот дом. Он пытался нас предупредить. Но мы не поняли.

Миша тихо рассмеялся.

— Они говорят, что теперь мы их семья, — произнёс он.
— И мы никогда не уедем.

За спиной что-то зашуршало. Я резко обернулась. На стене, прямо над зеркалом, появились капли воды. Они стекали вниз, складываясь в слова:

«Вы уже наши».

Зеркало треснуло. В трещине мелькнуло отражение — не моё, а кого-то другого. Высокая фигура с длинными руками, склонившаяся надо мной.

— Нам нужно уходить, — я схватила мать за руку. — Прямо сейчас. Заберём вещи и уедем.

— Нельзя, — она покачала головой. — Дом не отпустит. Он уже отметил нас.

— Но папа...

— С ним уже ничего не сделать. Пока мы здесь — мы в их власти.

Миша встал и направился к лестнице на второй этаж. Его шаги звучали странно — будто кто-то шёл босиком по мокрому полу, но следов не оставалось.

— Миша! — я бросилась за ним. — Стой!

Он обернулся на верхней ступеньке. Его лицо изменилось. Черты стали резче, глаза — темнее.

— Зачем бежать? — спросил он чужим голосом. — Здесь так хорошо. Тепло. Они заботятся о нас.

Я замерла. Это был не мой брат.

— Кто ты? — прошептала я.

Он рассмеялся — звук был похож на скрежет металла.

— Я тот, кто ждал вас. Тот, кто построил этот дом. И те-

перь вы — моя семья.

Я бросилась на кухню. В голове билась одна мысль: огонь. Огонь всегда отпугивал нечисть в историях.

Нашла спички, рванула к камину. Сухие поленья, оставшиеся от прежних хозяев, лежали рядом. Я подожгла их, пламя вспыхнуло, осветив комнату.

— Уходи! — крикнула я существу, которое притворялось моим братом. — Убирайся!

Огонь взметнулся выше. В тот же миг дом содрогнулся. Половицы закрипели, будто кто-то огромный перевернулся в подвале.

Миша — или то, что было в нём, — зашипел. Его фигура заколебалась, как отражение в воде.

— Глупая, — прошипел он. — Огонь не спасёт. Дом питается страхом. А ты боишься.

Он сделал шаг вниз по лестнице. Пламя дрогнуло, будто от порыва ветра, хотя окна были закрыты.

Мать подбежала ко мне, схватила за руку:

— Лиза, слушай меня внимательно. Есть способ. Старый ритуал. Нужно найти сердце дома. То, что даёт ему силу.

— Где?

— В подвале. Там, где пропал отец.

— Ты хочешь, чтобы я спустилась туда?

— Это единственный шанс. Сердце дома — старый сундук. В нём лежит дневник первого хозяина. Если сжечь его

— дом потеряет силу.

Миша зарычал. Его тело начало меняться — плечи расширились, руки удлинились, пальцы стали похожи на когти.

— Вы не посмеете! — прогремел его голос, уже совсем не детский.

Я схватила кочергу крепче.

— Мама, возьми Мишу и беги к машине. Жди меня там. Если через полчаса меня не будет — уезжай. Уезжай и никогда не возвращайся.

— Нет! — она вцепилась в мою руку.

— Это приказ! — я почти кричала. — Если я не вернусь — звони в полицию. Говори, что мы попали в беду. И не возвращайся сюда. Ни за что.

Она кивнула, глаза наполнились слезами. Подбежала к Мише, схватила его за руку. Тот сопротивлялся, но мать была сильнее. Они выбежали через заднюю дверь.

Я осталась одна. Перед дверью в подвал.

Пламя в камине угасало. Тени в углах комнаты стали гуще, длиннее. Они тянулись ко мне, как живые.

Глубоко вдохнув, я повернула ручку двери. Она открылась с тем же стоном, что и раньше.

Лестница уходила вниз, в темноту. Где-то там, в глубине, что-то шевелилось.

— Хорошо, — прошептала я. — Поиграем по твоим правилам.

И шагнула в подвал.

Я шагнула в подвал. Воздух здесь был густым, липким, будто пропитанным страхом. Ступени скрипели под ногами — каждая нота этой жуткой мелодии отдавалась в висках.

Фонарик, который я прихватила с кухни, дрожал в руке, выхватывая из тьмы фрагменты обстановки: старые ящики, ржавые инструменты, мешки с чем-то сыпучим. В дальнем углу виднелся массивный сундук — тёмный, окованный железом. Сердце подсказало: вот оно. Сердце дома.

Но между мной и сундуком стояло нечто.

Фигура в глубине подвала была высокой, сторбленной. Она покачивалась из стороны в сторону, будто не могла решить, напасть или подождать. Длинные руки свисали почти до пола, пальцы шевелились, как паучьи лапки.

— Папа? — мой голос прозвучал слишком тихо, почти беззвучно.

Существо повернуло голову. Лицо было знакомым — черты отца, но искажённые, вытянутые. Глаза — чёрные, без белков.

— Лиза... — голос был похож на отцовский, но с хриплым, нечеловеческим подтекстом. — Зачем ты пришла? Здесь хорошо. Оставайся с нами.

Я отступила на шаг. Кочерга в руке казалась жалкой защитой.

— Где настоящий папа? Что ты с ним сделал?

Существо рассмеялось — звук напоминал скрежет камня

О камень.

— Он стал частью дома. Как и ты станешь. Как и все мы. Оно сделало шаг вперёд. Тени за его спиной зашевелились, вытягиваясь, словно пытаясь дотянуться до меня.

Я метнулась в сторону, обогнув существо. Оно зашипело, бросилось за мной, но я уже была у сундука. Руки дрожали, когда я пыталась поднять тяжёлую крышку.

— Не смей! — прогремело позади.

Я рванула изо всех сил — замок хрустнул, крышка откинулась. Внутри лежали старые бумаги, пожелтевшие от времени, и толстая тетрадь в кожаном переплёте. Дневник.

Схватив его, я развернулась к выходу. Существо было уже близко — его длинные пальцы почти коснулись моего плеча.

— Ты не уйдешь, — прошипело оно. — Дом не отпустит.

В этот момент фонарик погас. Тьма накрыла меня, как одеяло. Я попятилась, нащупывая лестницу. Нога наткнулась на ступеньку — я начала подниматься, не оборачиваясь.

За спиной раздался вой — то ли звериный, то ли человеческий. Что-то ударилось о стену в том месте, где я только что стояла.

Выскочив из подвала, я захлопнула дверь и привалилась к ней спиной. Руки тряслись так сильно, что дневник чуть не выпал.

— Лиза! — мать бросилась ко мне. Миша стоял рядом, снова выглядя как обычный ребёнок — испуганный, запла-

канный.

— Мам, он... он был там, — я задыхалась. — Папа... или то, что от него осталось...

— Мы должны сжечь дневник, — мать схватила тетрадь, её пальцы дрожали. — Сейчас же.

Мы побежали к камину. Я разорвала обложку, вытащила страницы. Они были исписаны мелким, нервным почерком:

«Я построил этот дом на месте древнего капища. Они обещали мне богатство, власть, вечную жизнь. Но взяли больше, чем я дал. Каждые тридцать лет дом требует жертву. Сначала это были незнакомцы, потом — слуги. Теперь он хочет семью. Он выбирает самых слабых, проникает в них, меняет. Когда дом насытится, он отпустит душу, но тело уже не вернётся. Единственный способ остановить — сжечь сердце дома, пока оно не поглотило всех...»

Мать поднесла спичку. Пламя охватило страницы.

В тот же миг дом содрогнулся. Половицы закрипели, стены затрещали, будто что-то внутри них рвалось наружу.

— Бежим! — крикнула я.

Мы бросились к выходу. Но дверь не открывалась. Она будто приросла к косяку.

— Он не пускает! — Миша заплакал.

— Тихо! — мать прижала его к себе. — Лиза, найди что-нибудь острое. Нужно пролить кровь на порог. В дневнике было сказано: «Дом жаден, он примет любую жертву, если она дана добровольно».

Я схватила тот самый нож с костяной ручкой, что видела на кухне. Лезвие блеснуло в свете пламени.

— Нет! — Миша вцепился в мою руку.

— Всё будет хорошо, — я улыбнулась ему, хотя внутри всё сжималось от страха. — Это просто царапина.

Лезвие полоснуло по ладони. Капля крови упала на порог.

Дверь распахнулась сама собой.

Мы выскочили наружу под дождь. Ветер ударил в лицо, но он был живым, настоящим — не то что воздух внутри дома.

— К машине! — скомандовала мать.

Мы бежали по размокшей дороге. За спиной раздался грохот — дом рушился. Стены трескались, крыша оседала, как карточный домик. Из окон вырывались клубы чёрного дыма, а в них мелькали тени — те, кто так долго ждал новых жертв.

Когда мы запрыгнули в машину, я оглянулась. Дом почти исчез в клубах дыма и тумана. Только табличка на крыльце ещё виднелась: «*Добро пожаловать домой*». Но буквы уже не были красными. Они стали чёрными, будто выгорели изнутри.

Отец... Я сжала рану на ладони. Где он теперь? В памяти всплыли его искажённые черты, голос, зовущий остаться.

— Он свободен, — мать будто прочитала мои мысли. — Дом больше не держит его.

Миша уснул на заднем сиденье, прижимая к себе медведя. Мать завела машину. Дождь смывал следы на дороге — наши и те, что вели из подвала.

Мы уезжали. И хотя впереди ждала неизвестность, я знала: хуже того дома уже ничего не будет.

...

Через месяц мы поселились в маленьком городке у моря. Миша почти не вспоминал о том доме, только иногда просыпался ночью и шептал: «Они зовут меня». Тогда я садилась рядом, держала его за руку, пока он снова не засыпал.

Мать устроилась работать в библиотеку. Она стала улыбаться чаще, а её кожа снова приобрела здоровый оттенок.

Я сохранила обгоревшую страницу из дневника — ту, где было написано про ритуал с кровью. Иногда я смотрю на неё и думаю: а что, если дом не разрушен до конца? Что, если он ждёт, пока мы ослабим бдительность?

Но потом я слышу смех Миши во дворе, вижу, как мать поливает цветы на балконе, и понимаю: мы победили. Мы вырвались. И больше никогда не вернёмся туда.

Дождь идёт и здесь. Но теперь он просто дождь.

Глава 2: Отголоски прошлого

Прошло три месяца с тех пор, как мы покинули дом. Мы обосновались в маленьком городке у моря — тихом, солнечном месте, где дождь был редкостью, а воздух пах солью и водорослями. Но даже здесь тени прошлого не отпускали нас.

Миша всё ещё просыпался по ночам. Я слышала его всхлипывания из соседней комнаты и шла к нему. Он сидел на кровати, обхватив колени, и шептал:

— Они зовут меня... тихо так, будто ветер. Говорят, что

я обещал вернуться.

— Это просто сон, — я гладила его по волосам. — Дом далеко. Он не может дотянуться до нас.

Но сама не до конца верила в эти слова.

Мать устроилась в местную библиотеку. Она стала улыбаться чаще, а её кожа снова приобрела здоровый оттенок. Но иногда я замечала, как она замирает посреди разговора, уставившись в одну точку, а её пальцы начинают тереть кольцо — то самое, которое она теперь носила снова.

Я пошла в новую школу. Одноклассники казались дружелюбными, но я не могла расслабиться. Каждый скрип половицы напоминал мне о том доме, каждый сквозняк — о шёпоте в темноте.

Однажды на уроке биологии, когда мы рассматривали микропрепараты, я вдруг почувствовала знакомый запах — сырость, плесень и что-то ещё, сладковато-тошнотворное. Подняла голову — учительница смотрела на меня. Её глаза на мгновение почернели, а затем снова стали карими.

— Лиза, ты в порядке? — спросила она.

— Да, — я сглотнула. — Просто голова закружилась.

В один из вечеров, разбирая коробки с вещами, которые мы успели вывезти из того дома, я наткнулась на старый альбом. Он был завёрнут в промасленную бумагу, и я не пом-

нила, чтобы мы его брали.

Внутри были фотографии. Все — с нами, но... неправильные.

На одной мы стоим перед домом, но лица размыты, будто кто-то стёр их ластиком.

На другой я вижу себя, стоящую у окна подвала. Но я точно не фотографировалась там.

Последняя фотография — пустая комната, а в углу, едва заметная, тень с длинными руками.

Я захлопнула альбом, но он тут же открылся снова — на странице с надписью, сделанной тем же почерком, что и в дневнике:

«Вы думали, что ушли? Дом помнит. Дом ждёт. Он всегда находит своих».

На следующий день я шла домой через парк. Было тепло, дети играли на площадке, смеялись. Но вдруг всё затихло. Смех оборвался, голоса смолкли. Даже птицы перестали петь.

Я подняла голову. Деревья, которые ещё минуту назад были зелёными, потемнели. Их ветви искривились, напоминая те, что окружали дом.

— Лиза! — Миша подбежал ко мне, запыхавшийся. — Ты видела?

— Что?

— Деревья! Они... изменились.

Мы стояли и смотрели, как листва становится серой, а стволы покрываются пятнами мха. Но стоило мне моргнуть — всё снова стало нормальным. Зелень, солнце, детский смех.

— Тебе показалось, — сказала я, но голос дрогнул.

Миша покачал головой:

— Они возвращаются. Они сказали, что дадут нам время, но теперь время вышло.

Той же ночью я проснулась от стука. Кто-то скребся в окно — тихо, настойчиво.

Поднялась с кровати, подошла к стеклу. За ним, в темноте, стояла фигура. Высокая, сторбленная, с длинными руками. Она прижалась лицом к стеклу, и я узнала черты отца — но искажённые, как тогда в подвале.

— Лиза... — донёсся шёпот сквозь стекло. — Открой. Я пришёл за вами.

Я отпрянула. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Уходи! — прошептала я. — Ты не мой отец. Ты — часть дома.

Фигура за окном улыбнулась — слишком широко, неестественно.

— Дом — это мы, — прошипела она. — И вы — его часть.

Вы обещали вернуться. Миша обещал.

Я обернулась. Брат стоял в дверях спальни. Его глаза были пустыми, а губы шевелились, будто он повторял чьи-то слова:

— Мы обещали... мы вернёмся...

Я бросилась к Мише, схватила его за плечи:

— Очнись! Это не ты говоришь!

Он моргнул, и на мгновение взгляд стал осмысленным.

— Лиза? Что... что я делал?

— Ничего, — я обняла его. — Всё хорошо. Но нам нужно что-то делать. Дом не оставит нас в покое.

Утром мы рассказали всё матери. Она выслушала молча, потом достала из ящика стола обгоревшую страницу дневника — ту самую, с описанием ритуала.

— Есть способ, — сказала она. — Нужно завершить то, что мы начали. Не просто бежать, а разорвать связь. Для этого нужно вернуться.

— Вернуться?! — я похолодела. — В тот дом?

— Не в сам дом, — мать покачала головой. — На место, где он стоял. Дом разрушился, но его дух остался. Нам нужно

провести ритуал на пепелище.

— А если это ловушка? — спросила я.

— Если не попробуем, они не оставят нас в покое никогда.
Миша, ты готов?

Брат кивнул, хотя было видно, что ему страшно.

— Я хочу, чтобы они перестали звать меня, — прошептал он.

Следующие дни мы готовились. Мать нашла в библиотеке старые книги о местных поверьях. Оказалось, дом стоял на месте древнего капища — места силы, где когда-то поклонялись тёмным духам.

Для ритуала нужны были: пепел от сожжённого дневника (мы сохранили несколько щепоток); кровь того, кто дал обещание (Миша неохотно подставил палец); зеркало, разбитое на перекрёстке трёх дорог; слова заклинания, написанные на языке, который мать едва могла прочесть.

— Это опасно, — предупредила она. — Если что-то пойдёт не так, дом может поглотить нас окончательно.

— Но это наш единственный шанс, — сказала я. — Мы не можем жить в страхе.

Миша сжал мою руку:

— Я готов.

Мы выехали на рассвете. Дорога, которая когда-то казалась бесконечной, теперь заняла всего несколько часов. Но чем ближе мы подъезжали, тем тяжелее становилось на душе.

Лес вокруг дома изменился. Деревья стояли голые, даже в разгар лета. Земля под ногами была холодной и влажной, будто пропитанной туманом.

— Оно знает, что мы здесь, — прошептала мать, заглушая двигатель.

Мы вышли из машины. Впереди, среди деревьев, виднелись остатки фундамента — почерневшие камни, покрытые серым мхом. Это было всё, что осталось от дома.

Миша вздрогнул:

— Они здесь. Они ждут.

Я сжала в кармане осколок зеркала.

— Начнём, — сказала я. — И закончим это раз и навсегда.

Мы стояли у остатков фундамента — почерневших камней, покрытых серым мхом, который шевелился, будто живой. Воздух здесь был гуще, чем в городе: каждый вдох давался с трудом, словно мы пытались дышать под водой.

— Начинаем, — мать достала из сумки пепел от сожжённого дневника и рассыпала его по кругу. — Лиза, держи осколок зеркала. Если что-то пойдёт не так — разбей его

между нами. Это создаст барьер.

Я сжала в ладони холодный осколок. Миша стоял рядом, бледный, но решительный. Он протянул палец — мать капнула на землю его кровь. Капли зашипели, как кислота, и в воздухе появился запах гари.

Мать начала читать заклинание — слова звучали чуждо, будто язык, который не предназначен для человеческих губ. Буквы царапали слух, заставляя деревья вокруг стонать, а землю — подрагивать.

«Духи места, силы тьмы,

Разорвите цепь, снимите сны.

Кровь дана, пепел сожжён,

Дом разрушен, дух изгнан.

Мы свободны, мы ушли,

Нашу волю сбереги».

Как только она произнесла последнее слово, ветер взвыл. Мрак сгустился над руинами, принимая очертания дома — стены из тумана, окна из тьмы. В одном из них мелькнула тень с длинными руками.

— Они не отпускают! — Миша вцепился в мою руку. — Они говорят, что мы принадлежим им!

Из-под земли начали пробиваться побеги мха — они тянулись к нам, обвивали ботинки, ползли по штанинам.

— Разбивай зеркало! — крикнула мать.

Я замахнулась и швырнула осколок на землю. Он раскололся с резким звуком, похожим на крик. Между нами вспыхнула серебристая линия — барьер, от которого отпрянули тени.

Но дом не сдавался. Из тумана выступила фигура — та самая, что когда-то притворялась отцом. Её глаза горели чёрным огнём.

— Вы не можете уйти, — прошипела она. — Вы дали обещание. Миша обещал играть с нами вечно.

Брат побледнел.

— Я... я не хотел...

— Ты сказал это вслух, — существо сделало шаг вперёд.
— Слова имеют силу.

— Стой! — я выступила вперёд. — Он был ребёнком. Его обманули. А договор, заключённый под давлением, не имеет силы.

Существо замерло. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то человеческое — будто отец пытался пробиться сквозь тьму.

— Лиза... — голос прозвучал глухо, почти неслышно. — Бегите... пока можете...

— Папа?! — я сделала шаг к нему.

— Нет! — мать схватила меня за руку. — Это ловушка!

Но я вырвалась. Подошла вплотную к тени и посмотрела в её чёрные глаза.

— Если ты хоть немного остался там, помоги нам. Разрушь связь. Освободи нас.

Существо застонало. Его форма заколебалась, начала распадаться на клочья тумана.

— Бегите... — снова прошептало оно. — Пока я могу сдерживать их...

В этот момент земля затряслась. Камни фундамента зашевелились, будто под ними что-то огромное пыталось выбраться наружу.

— В машину! — крикнула мать. — Быстро!

Мы побежали. За спиной раздался вой — сотни голосов слились в один, полный ярости и отчаяния. Туманный дом рухнул, рассыпался в пепел, который подхватил ветер. Но последние слова донеслись до нас, будто шёпот в голове:

«Вы не избавились от нас. Вы просто отложили срок...»

Дорога назад показалась вдвое короче. Миша спал на заднем сиденье, его лицо было спокойным впервые за долгое время. Мать вела машину молча, но её пальцы больше не тербли кольцо.

Я оглянулась. Лес за спиной выглядел обычным — зелёные деревья, солнечные пятна на траве. Никаких следов мрака.

На следующий день я проснулась от солнечного света,

лющегося в окно. В кухне пахло блинчиками — мама готовила завтрак. Миша уже сидел за столом и смеялся над мультимом.

Всё выглядело так, будто ничего не было. Но я знала правду.

Выйдя на балкон, я достала последний осколок зеркала — тот, что остался после ритуала. Посмотрела в него... и на мгновение увидела не своё отражение, а ту самую комнату в доме. Тень у окна покачала головой и исчезла.

«Они всё ещё там», — подумала я. Но теперь мы были готовы. Мы знали их правила. И мы научились бороться.

С тех пор мы установили несколько правил:

Никогда не возвращаться в ту местность без крайней необходимости.

Держать при себе кусочек зеркала — на всякий случай.

Если кто-то из нас начнёт говорить странные вещи — сразу прерывать и напоминать, кто мы есть.

Раз в месяц проводить «проверку» — рассказывать друг другу самые яркие воспоминания о настоящем, чтобы закрепить связь с реальностью.

Всегда держаться вместе.

...

Однажды, через несколько недель, Миша прибежал ко мне с горящими глазами:

— Лиз, я придумал игру! Будем строить форт из подушек и сражаться с монстрами!

Он смеялся, а в его глазах не было тени страха. И я поняла: мы действительно победили. По крайней мере, на этот раз.

Но где-то глубоко внутри я знала: дом не забыл нас. Он просто ждал. Ждал, пока мы ослабим бдительность...

Глава 3: Продолжение следует.

Прошло полгода. Жизнь постепенно налаживалась: Миша реже просыпался по ночам, мать улыбалась всё чаще, а я наконец начала чувствовать себя в безопасности. Но где-то глубоко внутри тлела тревога — будто я забыла что-то важное, что могло нас погубить.

Однажды утром я обнаружила на подоконнике странный узор — капли воды сложились в символы, похожие на те, что были в дневнике. Они быстро высохли, оставив едва заметные следы. Я протёрла стекло, но ощущение, что за нами наблюдают, не проходило.

В школе на уроке истории я случайно наткнулась на старую карту региона. Среди современных улиц и дорог выделялся один участок — там, где стоял дом. На карте он был отмечен как «Капище древних», а рядом стояла пометка: «*Не тревожь духов*».

— Откуда это? — спросила я учителя.

— О, это копия старинной карты, — он улыбнулся. — Местные легенды, знаете ли. Говорят, там когда-то приноси-

ли жертвы. Но это всё мифы.

Я кивнула, но внутри всё сжалось. Мифы не оставляют следов на стёклах.

Через несколько дней Миша пришёл из школы с рисунком. На нём был изображён дом — тот самый, с покосившейся крышей и табличкой *«Добро пожаловать домой»*. Но рисунок был не детским: слишком точные линии, слишком мрачные тени.

— Где ты это взял? — я взяла лист в руки.

— Мне показал дядя, — Миша говорил спокойно, будто о чём-то обыденном. — Он сказал, что дом скучает по нам. И что мы должны вернуться, чтобы закончить игру.

— Какой дядя? — сердце ухнуло вниз.

— Тот, что живёт в зеркале. Он говорит со мной, когда ты спишь.

Я посмотрела на мать. Она побледнела.

— Мы должны поговорить с ним, — сказала она. — Прямо сейчас.

Мы усадили брата на диван. Он сидел, обхватив колени, и смотрел куда-то сквозь нас.

— Миша, — мать взяла его за руку. — Тот дядя... он добрый?

— Он говорит, что любит нас, — Миша улыбнулся. — Он хочет, чтобы мы играли вместе. Всегда.

— Но ты же не хочешь возвращаться туда? — я присела рядом.

— Не хочу, — он шмыгнул носом. — Но он обещает, что если мы придём, папа вернётся. Настоящий папа.

Мы переглянулись. Значит, дом всё ещё держал отца. Или то, что от него осталось.

Вечером мы собрались на кухне. На столе лежали карта, рисунок Миши и обгоревший листок из дневника.

— Нам нужно узнать больше о капище, — сказала мать. — Если дом построен на его месте, значит, есть способ закрыть проход.

— Где искать? — я провела пальцем по символам на карте.

— В архивах городской библиотеки. И, возможно, у местных старожиллов. Кто-то должен помнить истории о том месте.

На следующий день я отправилась в библиотеку. Пожилая библиотекарь, выслушав мой запрос, нахмурилась.

— Капище? — она покачала головой. — О нём мало кто говорит. Но есть одна книга — «Легенды и поверья нашего края». Она в спецхране, но, думаю, для тебя сделаю исключение.

Она принесла потрёпанный том. На одной из страниц была гравюра: круг из камней, в центре — фигура с поднятыми руками. Подпись гласила:

«Капище духов. Те, кто тревожит их покой, становятся частью места. Дом, возведённый над ним, — лишь маска. Истинная сущность — в жертве».

Вернувшись домой, я показала книгу матери.

— Жертва, — прошептала она. — Дом питается страхом и болью. Каждый, кто в нём погибает или теряет часть себя, укрепляет его.

— Значит, чтобы закрыть проход, нужно...

— ...вернуть то, что он забрал, — закончила мать. — Или дать ему то, чего он хочет, но на наших условиях.

Миша, слушавший наш разговор, вдруг сказал:

— Он хочет меня. Потому что я обещал играть.

Мы замолчали. Всё стало ясно: дом выбрал Мишу как новую жертву. И пока он не освободится от обещания, угроза будет висеть над нами.

Мы решили провести ритуал на месте капища — там, где когда-то стоял дом. Для этого нужно было:

найти центральный камень капища (на карте он был обозначен); принести предмет, связанный с обещанием Миши (его плюшевый медведь, с которым он говорил с «дядей»); произнести формулу освобождения — слова, разрывающие связь.

— Это опасно, — предупредила мать. — Если мы ошибёмся, дом может поглотить нас окончательно.

— У нас нет выбора, — я сжала руку Миши. — Мы должны защитить его.

Брат кивнул, хотя было видно, что ему страшно.

— Я готов, — сказал он. — Только давайте сделаем это вместе.

Мы приехали на место ранним утром. Туман ещё лежал на земле, окутывая остатки фундамента. Миша держал медведя крепко, почти до побеления пальцев.

— Центральный камень должен быть где-то здесь, — мать осматривалась. — Ищите что-то, отличающееся от остальных.

Я заметила выступ в земле — серый, с выгравированными символами. Когда я коснулась его, воздух вокруг задрожал.

— Это он, — прошептала мать. — Миша, положи медведя на камень.

Брат нерешительно подошёл и опустил игрушку.

— Теперь повторяй за мной, — мать начала читать слова из книги:

«Я, Михаил, отрекаюсь от обещания,

данного в страхе и обмане.

Духи места, примите мой отказ,

дом не властен надо мной отныне.

Связь разорвана, слово сказано,

я свободен, вы свободны тоже».

Как только он произнёс последнее слово, медведь вспыхнул синим пламенем. Из тумана выступили тени — те самые, с длинными руками. Они протянули к нам пальцы, но не смогли приблизиться.

— Вы проиграли! — закричала мать. — Отпустите нас!

Одна из теней зашипела:

— Вы не понимаете... дом не отпускает никого. Он всегда найдёт дорогу к вам.

Но туман начал рассеиваться. Тени таяли, как дым на ветру. Медведь сгорел дотла, оставив лишь пепел с отпечатком

лапы.

Мы ехали обратно в тишине. Миша спал на заднем сиденье, его лицо было спокойным. Мать смотрела в окно, а я сжимала в кармане пепел от медведя — доказательство, что ритуал сработал.

На следующее утро я проснулась от солнечного света. В кухне пахло блинчиками, Миша смеялся над мультиком. Всё выглядело так, будто ничего не было.

Но когда я подошла к зеркалу, на мгновение увидела не своё отражение, а ту комнату в доме. Тень у окна покачала головой и исчезла.

«Они всё ещё там», — подумала я. Но теперь мы знали, как бороться. Мы были готовы.

И где-то в глубине души я понимала: это не конец. Дом не забыл нас. Он просто ждал. Ждал, пока мы ослабим бдительность...

После ритуала прошло две недели. Мы старались жить как прежде: Миша ходил в школу, мать работала в библиотеке, я училась в колледже. Но тревога не отпускала — будто мы стояли на краю пропасти и ждали, когда сорвёмся вниз.

Однажды утром я обнаружила на подоконнике пепел. Он лежал аккуратным кругом, внутри которого были выведены те же символы, что и в дневнике. Когда я коснулась их пальцем, пепел зашипел и рассыпался в пыль.

— Мам, — я показала ей следы. — Они снова дают о себе

знать.

— Может, это просто совпадение? — мать пыталась улыбнуться, но глаза выдавали её страх.

— Совпадений не бывает, — я покачала головой. — Дом не отстал от нас. Он просто затаился.

Той же ночью мне приснился сон. Я стояла в том самом доме — стены были целы, камин горел, а на стене висел портрет мужчины в старомодном костюме. Он смотрел на меня и улыбался.

— Ты думала, что победила? — его голос звучал в голове, будто собственные мысли. — Дом — это не стены. Дом — это память. А память нельзя сжечь.

Я проснулась в поту. Часы показывали 3:17 — то самое время, когда мы впервые услышали стук в подвале.

В соседней комнате заплакал Миша. Я бросилась к нему. Брат сидел на кровати, обхватив колени, и шептал:

— Они зовут меня. Говорят, что папа ждёт. Что он страдает, потому что мы его бросили.

— Это обман, — я обняла его. — Они пытаются заставить нас вернуться.

— Но что, если папа правда там? — Миша поднял на меня глаза, полные слёз. — Что, если он мучается?

На следующий день я отправилась в городскую библиотеку.

ку. Пожилая библиотекарь, которая когда-то дала мне книгу о капище, встретила меня настороженно.

— Снова о том доме? — спросила она.

— Да. Мне нужно знать всё, что можно, о его прежних хозяевах. Особенно о том, кто его построил.

Она вздохнула, поколебалась, но всё же достала из сейфа папку с пожелтевшими документами.

— Это копии старых записей. Дом построил некий Григорий Воронов в 1892 году. Он был... не совсем обычным человеком.

Я открыла папку. На первой странице было фото мужчины — того самого, с портрета. Подпись гласила: *«Григорий Воронов, исследователь оккультных практик»*.

Дальше шли записи:

«Воронов утверждал, что нашёл способ обрести бессмертие, связав свою душу с местом. Для этого он использовал древние ритуалы капища. Каждый новый житель дома должен был принести жертву — страх, боль или жизнь. Чем сильнее жертва, тем крепче связь».

— Значит, дом питается страданиями, — прошептала я. — И отец... он стал частью этого.

Вернувшись домой, я рассказала всё матери и Мише.

— Нам нужно найти способ освободить папу, — сказала я.

— Не просто разорвать связь с домом, а вытащить его оттуда.

— Как? — мать сжала руки. — Если он стал частью дома...

— В записях сказано, что Воронов связал свою душу с местом. Значит, есть ритуал, который может это сделать. И должен быть способ его отменить.

Миша поднял голову:

— Я знаю, где искать.

— Что?

— Он приходит ко мне во сне. Папа. Он говорит, что ключ — в подвале. Там, где всё началось.

Мы переглянулись. Возвращаться в то место было опасно, но другого выхода не было.

Мы собрали всё необходимое:

● копию ритуала Воронова (я переписала его из папки);

● пепел от сожжённого дневника;

● зеркало, разбитое на перекрёстке (его осколки мы хранили);

● кровь того, кто связан с домом (на этот раз я предложила свою);

● свечу, освящённую в церкви.

— Если что-то пойдёт не так, — сказала мать, — разбивай зеркало. Это даст нам время уйти.

— А если не получится уйти? — Миша смотрел на нас серьёзно, совсем не по-детски.

— Получится, — я сжала его руку. — Мы справимся. Вместе.

Мы приехали на место на рассвете. Руины дома выглядели иначе — камни словно светились изнутри, а воздух был густым, как кисель.

— Чувствуете? — прошептала мать. — Оно ждёт нас.

Мы спустились в подвал. Центральный камень капища был на месте — серый, с выгравированными символами. Я положила на него лист с ритуалом, капнула крови и зажгла свечу.

— Начинаем, — сказала я и начала читать:

«Духи места, силы тьмы,

Разорвите цепь, снимите сны.

Кровь дана, пепел сожжён,

Дом разрушен, дух изгнан.

Связывал Воронов — мы разрываем,

Душу свободную отпускаем».

Как только я произнесла последнее слово, камень задрожал. Из-под земли поднялся туман, принимая очертания фигуры. Это был отец — но не тот, что мы видели в подвале, а настоящий. Его глаза были ясными, а лицо — спокойным.

— Лиза... — он улыбнулся. — Вы пришли.

— Папа! — Миша бросился к нему, но фигура растаяла в воздухе.

— Я не могу остаться, — голос отца звучал всё тише. — Но теперь я свободен. И вы тоже.

Туман рассеялся. Камни капища начали трескаться, осыпаться в пыль. Дом, который когда-то казался вечным, исчезал, как сон после пробуждения.

Мы стояли и смотрели, как последние камни превращаются в прах. Ветер подхватил пепел и унёс прочь.

— Оно закончилось? — тихо спросил Миша.

— Да, — мать обняла нас обоих. — Теперь точно.

Когда мы ехали обратно, я оглянулась. На месте руин росла молодая берёза — белая, чистая, без тени мрака.

...

Прошло полгода. Мы всё ещё соблюдаем правила: проверяем друг друга, держим при себе осколки зеркала, вспо-

минаем хорошие моменты. Но теперь это больше похоже на привычку, чем на необходимость.

Однажды Миша прибежал из школы с рисунком. На нём была изображена семья: мама, папа (его лицо было размытым, но счастливым), я и он сам. Они стояли перед новым домом — светлым, с большими окнами и красной крышей.

— Смотри, Лиз! — брат сиял от гордости. — Это наш новый дом. Тот, что будет когда-нибудь.

Я улыбнулась и обняла его:

— Красивый. Очень красивый.

Вечером, укладываясь спать, я посмотрела в зеркало. Моё отражение улыбнулось мне — без тени страха, без намёка на тьму.

Дом больше не властен над нами. Мы победили. И теперь можем строить своё будущее — без оглядки на прошлое.

Глава 4: Тень прошлого

Год прошёл с тех пор, как мы провели последний ритуал. Жизнь вошла в спокойное русло: Миша перешёл в третий класс, мать получила повышение в библиотеке, а я поступила в университет на филологический факультет.

Однажды утром, разбирая старые коробки на чердаке, я наткнулась на потрёпанную шкатулку. Я не помнила, чтобы мы её брали из того дома. Внутри лежал медальон с выгравированным символом — тем самым, что встречался на камнях капища.

Я коснулась его пальцами — и вдруг увидела вспышку: отец стоит у камина в том доме, держит этот медальон и шепчет заклинание. Изображение исчезло так же внезапно, как появилось.

— Мам! — я сбежала вниз по лестнице. — Я нашла медальон. Тот, что был у папы.

Мать побледнела:

— Мы должны его уничтожить. Немедленно.

На следующий день в школе всё пошло наперекосяк. В коридоре, где я обычно встречала подруг, вдруг стало тихо — будто звук выключили. Обернувшись, я увидела, что все ученики застыли в неестественных позах: кто-то на полусогнутых ногах, кто-то с поднятой рукой. И все смотрели на меня.

— Лиза, — раздался голос за спиной.

Я резко обернулась. Позади стоял учитель истории — но его глаза были чёрными, как тогда у Миши.

— Дом зовёт, — прошипел он. — Он помнит. Он ждёт.

В тот же миг всё вернулось к норме. Ученики пошли дальше, учитель улыбнулся мне и прошёл мимо, будто ничего не было. Но я знала: это не случайность.

Вечером я нашла брата во дворе. Он сидел на качелях и рисовал на земле странные символы палочкой.

— Что это? — я присела рядом.

— Они говорят, что нужно нарисовать дорогу, — Миша поднял на меня глаза. — Дорогу назад. Тогда папа сможет вернуться по-настоящему.

— Миша, — я взяла его за руку, — папа свободен. Он больше не часть дома.

— Но он скучает, — брат шмыгнул носом. — И я скучаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.